

ющего противника, наши внезапные налёты и контратаки немцев, преследование отходящего врага... И всё это происходило в леденящую стужу и снежные метели, в отрыве от наших тылов, при нехватке фуража, продуктов питания и боеприпасов.

Наш корпус понёс большие потери, и в марте 1942-го его вывели в Подмоскowie (район Нудоль и Ново-Петровское) на переформирование. Доподлинно знаю, что из тех 36 молодых лейтенантов, выпущенных Чкаловским кавалерийским училищем, в числе которых был и я, в строю осталось двенадцать. Остальных убило или ранило.

После получения пополнения и короткого отдыха началась напряжённая боевая учёба. Я принял под командование новое формирование – взвод ПИР (противотанковых ружей). Учебные стрельбы мы проводили не по мишеням, а по немецким танкам, которых в полях Подмоскowie было брошено предостаточно. Сколько же танков противника подбил я в эти дни – счёту нет (в жизни по боевым машинам стрелять, к счастью, не пришлось).

В один из майских дней наш полк демонстрировал группе офицеров из английской миссии «казацкую тактику» в учении с боевой стрельбой. К сожалению, во время атаки мишенного противника погиб мой сержант, который в пылу «боя» случайно разбил подвешенную на мишени бутылку с горючей смесью и сгорел. В ходе показательных выступлений, я, будучи в звании младшего сержанта (надо было показать, что и сержанты всё умеют), участвовал в соревнованиях по преодолению препятствий и по рубке лозы.

И В РЕЙДЕ ПО ТЫЛАМ ВРАГА

В ноябре 1942 года советские войска перешли в контрнаступление под Сталинградом. Для содействия успеху этого сражения проводились частные операции. Этому, например, была подчинена наступательная операция с целью ликвидации Ржевско-Сычёвского выступа и освобождения железнодорожной магистрали Москва – Великие Луки. 2-й гв. кавкорпус в этой операции должен был развить успех 20-й армии с последующим выходом в глубокий тыл немцев. Ввод корпуса в прорыв не обеспечили, и нам пришлось самим допрорывать оборону противника. В ходе тех боев корпус вновь понес большие потери. В немецкий тыл ночью в конном строю сумела прорваться лишь часть моей дивизии и отдельные подразделения из других дивизий корпуса. Немецкие самолёты буквально утюжили нас в ходе допрорыва немецкой обороны.

Конники в открытую, отчаянно бросались на опорные пункты немцев в Крюково, Ново-Гринёвке, Кропотово и других населенных пунктах. Одну из групп бойцов возглавлял комиссар Чуренков, который в рукопашном бою погиб. Тело этого душевного и смелого человека на саях мы, находясь уже в рейде, возили 5–6 дней, пока не сумели достойно похоронить.

Прорвавшись в тыл и перейдя железную дорогу на участке Ржев – Сычёвка, мы на рассвете вышли в Медведовский лес. Тогда мне запомнился на всю жизнь такой эпизод. Наш командир полка подполковник Калинович собрал на опушке леса офице-

ров части. Примерно в пятидесяти метрах от опушки, в направлении к немецкой передовой, проходил большак¹². Совершенно неожиданно на нём появилась колонна практически безоружных немцев (шло пополнение фронту). Калинович подаёт команду: «По коням... шашки к бою», и вскоре началась казацкая сечь. Не ожидавшие ничего подобного немцы бросились с большака кто куда. Наши кони, как и фрицы, стали тонуть в глубоком снегу. Поэтому в ход пошли не только клинки, но и пистолеты. Я тоже махал клинком и стрелял. В этой стычке офицер-немец выстрелом в упор снял с седла ординарца Калиновича, любимца полка, ещё практически мальчика Ваню. Этот офицер и ещё с десятков немцев были пленены. Калинович приказал офицера, убившего Ваню, казнить. Он был распят (привязан к дереву), после чего ему отрубили клинками руки и ноги. Такой страшный факт был, но какого-то гнетущего впечатления он на меня не произвёл (так, видимо, воспитывает людей война).

Вскоре прорвавшейся в тыл немцев группе, которую возглавил наш командир дивизии полковник П.Т. Курсаков, поступил приказ выполнять задачу, поставленную корпусу. В начале декабря группа сосредоточилась в Вяземских лесах Смоленщины под вековыми соснами так называемого Починковского моха, куда немцы заглядывать опасались. Начались наши, можно сказать, партизанские боевые действия. Конники взрывали воинские эшелоны и мосты, нападали на автоколонны противника, вражеские склады и гарнизоны, нарушали линии связи, карали предателей и т.д. В тех боевых операциях принимал активное участие и я, не видя в этом ничего героического.

Вот какую радиogramму в эти дни прислал нам Военный совет фронта:

БРАВО, КАВАЛЕРИСТЫ! БЕСПОЩАДНО ГРОМИТЕ ТЫЛЫ ПРОТИВНИКА. ВЫСОКО ДЕРЖИТЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ 1-й КОННОЙ АРМИИ. ТОВАРИЩЕСКИЙ ПРИВЕТ ВСЕМ БОЙЦАМ.

КОНЕВ, БУЛГАНИН

Условия, в которых пришлось воевать, были крайне тяжёлыми. Стояла суровая зима, жили мы в шалашах, костры разжигали только днём (ночные костры могли навести на нас немецкую авиацию), почти два месяца не снимали с себя одежду, отсюда появилась и вшивость. Наши продовольственные запасы кончались, изредка нам с самолётов вместе с боеприпасами сбрасывались сухари, твёрдая колбаса, концентраты, но всё-таки основной пищей была конина, которую приходилось варить многие часы, чтобы она жевалась. От бескормицы начался падеж лошадей.

В группе скопилось большое количество раненых и больных. В одной из вылазок легко царапнуло и меня, в результате кисть левой руки распухла, рана не заживала. В этой обстановке было принято решение вывезти раненых и тяжелобольных самолётами У-2 на Большую землю. Нас сосредоточили в лесу, в шалашах и землянках одной из заброшенных баз партизанского отряда «Сычевский».

На большой поляне была подготовлена площадка для приёма самолётов. Наша охрана была немногочисленной. Сигнальные костры горели, но самолёты по какой-то причине не прилетали, а немцы,

узнав о нашем положении от сбежавшего предателя, решили разгромить лагерь. Большими силами они и каратели-славяне с трёх сторон подошли к лагерю. Неравный бой продолжался более часа. Лишь немногим, кто был на ногах, удалось спастись. Вот что написал об этом участник того рейда, в будущем полковник С.П. Журба в воспоминаниях, которым, к сожалению, не удалось дойти до читателя (рукопись этой книги, правда в сыром виде, у меня есть):

«Больно, но надо сказать, что нашёлся предатель, осведомивший немцев о лагере-лазарете с ранеными. И в один из дней в районе расположения лазарета затарахтели автоматные очереди, начали рваться мины. Из землянки, поддерживая на весу раненую руку, выскочил младший политрук Митрофан Слободян. Разобравшись в обстановке, он закричал: «А ну, братва, кто способен защищаться, в ружьё!» Шестнадцать раненых бойцов разобрали карабины и автоматы. В другой части лагеря раненых подняли комэск Лукьян Дьяченко и лейтенант Виктор Грошев.

Начался неравный бой. Одни конники вели бой, безоружные набивали патроны в диски автоматов. В землянках тяжелораненые с тревогой ждали развития событий.

Наступила пауза, враг стал перегруппировываться, пытаясь полностью окружить лазарет. Небольшая охрана лагеря и раненые, способные держать в руках оружие, улучшали свои позиции.

Вскоре немцы и предатели-каратели повторили атаку. Пьяная орда, в которой немецкая речь перемешивалась с русской, начала просачиваться на территорию лазарета. В землянки с тяжелоранеными полетели гранаты.

– Что будем делать? – спросил Слободян лейтенанта Рожкова. – Не сдаваться же в плен?»

Для увязки своих действий с группой Дьяченко и Грошева они послали бойца Труфанова. Пули со всех направлений прошивали территорию лагеря. Слободян, Рожков, Дьяченко и Грошев знали, что люди, которых они объединили, в плен не сдадутся и молить о пощаде не будут. Они были готовы идти на самопожертвование ради спасения своих боевых товарищей.

Автоматная стрельба не прекращалась ни на минуту. Раненые конники, многие из которых передвигались с помощью самодельных костылей, залегли за поваленными соснами. До противника оставалось не более пятидесяти метров. Немцы и каратели горланили, точно охотники в загоне. Бойцы с надеждой смотрели на офицеров.

– Огонь! –скомандовал Слободян.

Во врага полетели последние гранаты. Нападавшие несли значительные потери. Левее атаковала группа Дьяченко и Грошева. Их натиск был неудержим. Противник стал отступать, и этой его растерянности было достаточно, чтобы вырваться из кипящего ада в спасительный лес. Обессиленные, помогая тяжелораненым, обходя вражеские засады, кавалеристы во главе со Слободяном и Рожковым пять часов петляли по заснеженному лесу, пока не вышли на партизан из отряда «Мститель».

К рассвету в партизанском лагере появились ещё двадцать человек под командованием Дьяченко и Грошева.

На следующий день Дьяченко, Слободян, Грошев и Рожков с группой конников и партизан решили осмотреть свой прежний лагерь, надеясь найти кого-то из живых. То, что они увидели, трудно описать.

В землянке с тяжелоранеными лежали изуродованные тела парторга Василия Пивоварова, лихого казака Качаева... Одна из землянок стала для всех погибших, а их было более двадцати, братской могилой...

К сказанному выше хочу добавить, что, осмотрев тот наш лагерь, мы вышли на опушку леса и увидели еще одну жуткую картину. Здесь была расстреляна большая группа конников. Чудом оставшийся в живых раненый боец рассказал, что немцы в конце побоища собрали всех раненых, могущих хоть чуть-чуть передвигаться, и повели их с собой. На опушке леса один из карателей заорал: «Вот теперь вы свободны», после чего раздались автоматные очереди...

Командование группы, узнав о трагедии с ранеными, прислало к партизанам связных, которые вывели нас к своим. Так мы снова влились в боевые порядки родных эскадронов. Раны же наши, как на собаках, стали заживать сами по себе.

Немцы испытывали большие неудобства из-за активно действовавших у них в тылу регулярных советских войск. Они решили во что бы то ни стало разгромить нашу группу, стянув к Починковскому моху большие силы, сняв их даже с фронта. Места нашей предполагаемой дислокации практически ежедневно подвергались бомбёжкам. В этой обстановке Военным советом фронта группе был отдан приказ на выход из тыла.

Я в то время входил в оперативную разведгруппу, созданную при штабе дивизии. Оставшиеся ещё в живых бойцы моего взвода влились в состав других подразделений.

ВЫХОДИМ НА БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ!

Выход из тыла проходил в сложной обстановке. Немцы стремились заблокировать группу, а местные жители неумышленно демаскировали нас. Дело в том, что мы постоянно теряли истощённых лошадей, а для голодных людей это было хотя и плохое, но мясо. Поэтому комдив принял решение с лошадьми расставаться, сёдла и другую сбрую складировать, хорошо спрятать и замаскировать в лесу. Своего Сакура я отвёл в глубокий лес, перед уходом снял с него уздечку. Мы посмотрели друг другу в глаза. Как у меня, так и у коня они были в слезах...

Оперативно-разведывательная группа занималась поиском безопасных маршрутов движения, мест перехода через большаки, бдительно контролируемые немцами. Шли мы только ночью, лесом, обессиленные, но не терявшие бодрости духа, не ввязываясь в крупные стычки с противником. Наши основные силы проводили отвлекающие действия (засады, налёты на опорные пункты немцев на дорогах и в населённых пунктах).

Запомнился один эпизод. Буквально под носом у немцев нам удалось перейти через Шиздренский большак и таким образом выйти в район войсковых тылов противника. Тот большак я переходил

трижды. Когда первая удачная попытка произошла, начальник оперативного отдела майор Шупик приказал мне вернуться и доложить, что выбранный путь надёжен. Я опять скатился с дороги в заснеженный кювет и подошёл к группе конников. Один из них, тяжело дыша, спросил: «Ну как?» На что я ответил примерно следующее: «Всё в порядке, не паниковать...» Тут меня кто-то толкнул в бок, прошипев: «Это же командир дивизии!» Я, естественно, растерялся, а Курсаков парировал: «Всё в порядке, казак. Вперёд!» Потом я узнал, что комдив столь тяжело дышал потому, что у него ещё на Финской было прострелено лёгкое.

На вторую ночь я, как отдыхающий после выполнения задания, шёл в конце второй колонны (замыкающие двигались по протоптанной дороге, а не по снежной целине). Из головы колонны по цепочке пошла команда: «Грошев с двумя бойцами, вперёд!» Колонна остановилась. Пистолет в кобуре на ремне, автомат на шее, помощник – палка в руках: в таком виде я и предстал перед начальником штаба. Мне дали задание продвинуться на один-два километра в северном направлении. Не исключено, что мы уже вышли к своим. Коли это так, надо вернуться и сообщить. Такая же задача была поставлена ещё одной группе, ушедшей в другом направлении. С Шепелевым (из моего бывшего взвода) и ещё с одним бойцом я выдвинулся по заданному маршруту. Где-то совсем близко шла редкая стрельба, в воздухе время от времени появлялись осветительные ракеты. Прошли мы больше километра, пересекли две-три свежие лыжни, но никого не встретили. Я решил возвратиться, но когда мы вышли к месту, откуда стартовали, здесь никого не было. У меня засосало под ложечкой. Что делать, куда идти? Решил двигаться по дороге, протоптанной колонной. Вскоре мы вышли на большую поляну, которая была буквально утыкана палками-посохами. Раздался окрик: «Стой, кто идёт?». Пришлось ответить, что свои. Затем последовало: «Кавалеристы, что ли?». Стало понятно, что мы вышли к нашим, и свои палки тоже бросили. Дозорные пехотинцы указали, куда идти дальше. Вскоре, а уже светало, мы почувствовали, что приближаемся к населённому пункту, а через десяток минут были уже в объёмах фронтовых товарищей, которые опасались, что до утра мы выбраться не сумеем.

Населённый пункт назывался Бабоеды (Калининская область), поэтому расхожей стала шутка: «Конюеды пришли в Бабоеды».

Вот так в середине января 1943-го мы, выжившие в рейде, вернулись на Большую землю (отдельным группам конников удалось это сделать раньше). Центральные газеты, кратко сообщавшие о том нашем выходе, писали о рейде как о коллективном подвиге. К сожалению, из того похода вернулись немногие. Примерно две трети конников погибли в боях, замёрзли или скончались от болезней и голода, а отдельные, несчастные, просто дезертировали.

Родина высоко оценила те наши боевые дела. Около пятисот бойцов и офицеров были награждены орденами и медалями. Орденом Отечественной войны I степени в числе немногих участников того рейда был награждён и я (тогда этот орден носился на колодке).

Физическое состояние практически всех, кто вышел из рейда, было весьма тяжёлым. Распухшие ноги, проявления цинги (хотя мы пили хвойный отвар и даже жевали хвою), разом вылезшие наружу (после расслабления) всякие болезни и болячки вынудили командование поместить нас в своеобразный госпиталь. Но предварительно состоялась помывка в полевой бане. Нас наголо остригли, обработали от вшей вонючей жидкостью под названием «молокань», после чего отвезли в деревню Село в прифронтовой полосе и разместили по хатам. Деревню взяли на строгий карантин. Из стресса и нездоровья мы выбирались больше месяца. К сожалению, наступившее расслабление после большого напряжения закончилось для некоторых бойцов смертельным исходом: у кого-то сдало сердце, кто-то тяжело заболел и скончался.

Завершив ту реабилитацию, наша малочисленная дивизия в марте 1943 года была переброшена в район Задонска и Турдея для отдыха и переформирования. Я получил новую должность – заместитель командира эскадрона.

Основные силы 2-го гв. кавалерийского корпуса, вошедшего в состав Центрального фронта под командованием генерал-полковника К.К. Рокоссовского, активно способствовали успеху Сталинградской битвы. Затем корпус был выведен во фронтовой резерв. Вскоре моя дивизия вновь влилась в его состав.

В РАЗГАР СОБЫТИЙ У КУРСКА

В июле 1943-го, в разгар Курской битвы, поступил приказ о передаче корпуса в войска Западного фронта. За шесть ночных переходов мы прошли свыше двухсот километров и сосредоточились за боевыми порядками войск 11-й гв. армии генерала Баграмяна. Корпусу была поставлена задача перерезать уже упоминавшийся мной Жиздренский большак и захватить на восточном берегу Десны Брянский железнодорожный узел. Наша дивизия должна была вводиться в прорыв из-за левого фланга корпуса с задачей овладеть городом Карачев. В этих боях было много движения, атак, я бы сказал, непродуманных и неподготовленных действий, а в результате – неоправданные потери, особенно от налётов авиации. Короче – наши попытки пройти через боевые порядки немцев оказались безуспешными. Честно признаться, я тогда не знал деталей всей операции. Хотя в это время я, 19-летний старший лейтенант, уже работал в разведотделении штаба моего 59-го гв. кавполка.

На Курской дуге по-настоящему было жарко. Так, 28 июля (на следующий день я был ранен) западный горизонт буквально покрылся низко летящими немецкими бомбардировщиками и истребителями, шедшими несколькими эшелонами. До сотни самолётов стали бомбить и утюжить леса, поля, населённые пункты, где, по мнению немцев, могли находиться советские войска. Местность затянуло плотной завесой дыма, пыли и гари от взрывов сотен бомб и пожаров. Рвались зенитные снаряды, шли воздушные бои. В районе того ада были и мы, конники. В дивизии появилось немало раненых и убитых. Я отделался лёгкой контузией, хотя на

левое ухо до сих пор слышу, как определяют медики, процентов на 70–80.

На следующий день, хотя в голове и ушах шумело и звенело, мне приказали с группой из четырёх бойцов выехать на правый фланг полка (мы занимали временную оборону) и установить взаимодействие с пехотой – нашим соседом справа. В составе той группы был мой верный коновод Шепелев, который часто рядом со мной находился и в рейде. Мне приказали заскочить также в село Кресты (или Стайки – точно не помню), которое, как сказали, уже освободила наша пехота. Через это село мой полк должен был пройти в тыл врага в ходе планируемого ночного броска.

Выехав по лесной просеке в район предполагаемого стыка конницы и пехоты, впереди мы увидели какое-то непонятное людское движение. Мы спешили и залегли. Конноводы отвели лошадей вглубь леса. Вдруг раздались одиночные выстрелы. Тем же ответили и мы. В наступившей тишине кто-то с той стороны прокричал: «Вы кто такие?» «А Вы кто?» – проорал я. В ходе дальнейшей словесной перепалки мы поняли, что все свои. Оказалось, что это пехотный разведдозор. Мы побратались и разобрались с обстановкой. Это как раз была та пехота, которую я искал. Через некоторое время первая поставленная мне задача оказалась выполненной.

Осталось решить вторую задачу и, в частности, проверить состояние моста через реку в Крестах (или Стайках). Впереди группы ехал дозорный (примерно в полусотне метров). На окраине села появилась женщина. Дозорный заговорил с ней. После этого женщина быстро вошла во двор одного из домов, а на улицу выскочило до десятка немцев. Я подал команду: «Назад!», но немцы открыли огонь. Мы видели, как свалился с коня мой дозорный, а за нашими спинами засвистели пули. Одна из них впиалась в меня, другая – в мягкую ткань левой задней моей Азы. Был легко ранен ещё один боец (пуля лишь касательно царапнула его) и одна лошадь. Пуля прошла мою левую ногу, повредив большую берцовую кость, и хорошо развернула мягкие ткани (не исключено, что она была разрывной), меня бросило назад на круп лошади, но в седле я удержаться сумел. Стрельба со стороны села продолжалась, пули же нас уже не доставали. Я доскакал на подхрамывающей Азе до леса, с помощью коновода спешил. Понимая, что никакой погони за нами не будет, решил заняться ногой. Шепелев помог мне забинтовать рану и наложить жгут (сапог пришлось разрезать), другой боец обработал царапину второму раненому. Забравшись на лошадь, я почувствовал, как моя нога на весу начала ныть и отекает. Так мы проехали пару километров и на перекрёстке дорог увидели указатель к полковому медсанбату. Не слезая с седла, я написал донесение о результатах проведённой разведки и сообщил о своём ранении. С донесением направил в штаб двух бойцов.

НА ГОСПИТАЛЬНОЙ КОЙКЕ

Шепелев же сопроводил меня в медсанбат. Здесь мою ногу осмотрели и наскоро обработали. В регистрационный журнал внесли данные обо мне, моей воинской части, кратко об обстоятель-

Виктор Грошев. 1943

ствах ранения. После этого я на одной ноге с помощью Шепелева и медсестры допрыгал до большой брезентовой палатки, где на соломе вповалку лежали раненые (был разгар Курской битвы). Перед этим я распрощался с Азой, сказав ей спасибо за то, что, будучи сама раненой (её рану тоже потом обработали), сумела спасти меня. Тепло распрощались с Шепелевым, который возвращался в полк, ведя на поводу мою Азу, а я остался один на один со своими невесёлыми мыслями. Не хотелось расставаться со своими фронтовыми друзьями, к тому же планировал вернуться с войны не с одной высокой наградой (по молодости играло тщеславие).

Так нелепо с тяжёлым ранением я был выбит и из седла (могло бы быть с летальным исходом), и из войны. Началось моё полугодовое скитание по медсанбатам и эвакуогоспиталям. В справке о ранении, например, значится ОМСЕ-34 (отдельный медсанбат), ППГ-2402 (полевой госпиталь), ЭГ-48, 4866, 2663, 3165 (эвакуогоспитали). Города, которые я помню: Козельск, Серпухов, Москва, а также местечко Ленинское Кировской области.

Вернись, однако, к началу пребывания в медсанбате. В брезентовой палатке я провалялся двое суток, пока дождался очереди на операционный стол. Когда она подошла, произошло вот что. Сняв бинты, врачи увидели мою ногу с почернениями по краям раны, которая была явно запущена. Посоветовавшись, медики решили ампутировать конечность ниже колена и сообщили об этом мне. Это стало шоком. Немного подумав, я, несмотря на угрозы, наотрез отказался от такой операции. С меня взяли расписку о принятом решении и дали наркотоз. Пришёл в себя, когда нога была уже в гипсе, а медсестра шлёпала меня по щекам, не давая засыпать. Уже в Серпухове при осмотре врач вдруг заметил, что повязка в области раны сильно промокла. В гипсе вырезали окна и рану стали тщательно обрабатывать какой-то мазью.

Наконец, меня доставили на станцию Шебадино, место моей постоянной дислокации в кировском местечке Ленинское. Здесь-то и стали по-настоящему спасать сохранённую от ампутации ногу. Когда я стал достаточно уверенно передви-

гаться на костылях, легонько, но всё же наступая и на большую конечность, то понял, что инвалидность мне не грозит.

Но вот беда: под гипсом завелись вши, и никакого терпежа от них не стало. Лечащий врач гипс снимать не хотел, говорил, что ещё рано. Тогда в один из вечеров, заперевшись в палате, с помощью товарища я разрезал гипсовую повязку и (о, ужас!) обнаружил под ней скопище тех насекомых.

Заглянувшая к нам медсестричка наскоро обработала ногу, но на следующий день встал вопрос о моей выписке за самоуправство. Но к этому времени я был уже «заметной фигурой» в госпитальном механизме, став своего рода замполитом у начальника отделения: участвовал в подготовке стенгазеты, проводил книжные и газетные читки у неходячих раненых, активно пел и декламировал стихи в художественной самодеятельности (мы проводили даже выездные концерты). Поэтому меня простили. Нога шла на поправку, но из-за образовавшегося свища рана плохо затягивалась, и лечение продолжали.

Что ещё запомнилось из госпитальной жизни? Я много читал, нас приглашала в гости молодёжь из медперсонала, у меня появились хорошие знакомые из местных девушек (молодость брала своё!). Получив зарплату, мы небольшой компанией друзей садились и за карты. Подчас ночь напролёт резались в 21 (очко), пока все деньги, поставленные на кон, не оказывались у кого-то из нас. Затем на этот выигрыш скрытно от медперсонала сообщая (не без выпивки) гуляли.

Конечно, не все деньги я так бездумно растрачивал. Часть моего денежного военного содержания по аттестату я обязательно переводил родителям. Кстати, помогал им и тогда, когда появились своя семья и дети. У моей благоверной это вызывало не всегда положительную реакцию, ведь и самим иногда не хватало. Но я считал, что помогать отцу-матери – это святой сыновний долг.

В январе 1944 года наступил день, когда пришла пора расставаться с новыми друзьями и подругами. Мы обменялись адресами, обещали писать и обязательно встретиться после войны.

На обеих ногах я стоял уже твёрдо, хотя и прихрамывал. Сначала комиссия признала меня к строевой службе ограниченно годным, что в мои планы на будущее явно не вписывалось. Но настырное

хождение по медначальству привело к тому, что я оказался годным к строевой службе.

Мне была предоставлена премиальная неделя до дня прибытия к месту назначения – в город Ковров. Но что меня несколько огорчило: в госпитальном складе не сумели подобрать пару нормальных сапог, поэтому я вынужден был щеголять в сапогах от разных пар, не похожих один на другой.

В парикмахерской на станции Шебалино мне завели чуб (есть фото), я сумел прорваться в следующий на запад поезд, который довёз до станции Вешкайма. И вот я почти дома. Осталось преодолеть каких-то 22 км, но никакого транспорта, естественно, не было, а на дворе стояла зимняя ночь. Решил идти пешком – благо что нашёлся попутчик до Вырыпаевки. В пути нам подсвечивала луна, да хороший морозец заставлял двигаться побыстрее. Ближе к Таволжанке, когда я шёл уже один, меня догнали санки, запряжённые лошадкой: два колхозных начальника ехали на совещание в Карсун. Подсадили, а на спусках я даже стоял сзади на полозьях.

Наконец вижу родное родительское крыльцо. Залаяла Лирка, но, узнав меня, замолчала и принялась радостно поскуливать. На мой стук в дверь вышла мама. Я изменённым до неузнаваемости голосом попросил пустить переночевать. Но материнское сердце обмануть невозможно: она сразу меня узнала. Что творилось потом – описать невозможно. Когда же все слёзы радости были пролиты и глаза осушены, началось утро расспросов и большого застолья. Дома, кроме родителей, оказались моя крёстная и сёстры Катя с Ниной (они учительствовали в Таволжанке).

В Карсуне я провёл целую неделю. Был в основном дома. Встречался с отвоёвывшими в результате ранений товарищами, ходил в гости к родным, заходил к родителям школьного друга Л. Уранова, разок сбегал на танцы в РДК. Родители сумели меня немного приодеть: справили бельё, шерстяные носки, перчатки и даже как казаку кубанку. А вот с сапогами ничего не вышло: все предлагаемые варианты оказались неподходящими.

Между тем шла война, и всё могло быть. Поэтому прощание с родными снова вышло грустным и мокрым.

*Подготовила к печати Лидия Берч
по материалам*

Карсунского художественно-краеведческого музея

Продолжение следует

¹ Плохо смываемый налёт грязи, короста.

² Речные моллюски (мидии). В данном случае – перловица. Предпочитает обитать в водоемах с проточными и прохладными водами. Раковина устрицы овальная. Такой внешний вид связан с именем моллюсков. Именно благодаря перламутровому напылению эти моллюски получили свое название. Раковины использовались для производства пуговиц в местной промышленности.

³ Вторсырьё шло в переработку на предприятиях местной промышленности.

⁴ Излучина р. Барыш.

⁵ Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству – советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927–1948 годах, предшественник ДОСААФ.

⁶ Уранов А.С. – в будущем участник ВОВ, офицер ВВС ВМФ; гражданский архитектор – лауреат Госпремии СМ СССР за проектирование и строительство Чебоксарского приборостроительного завода (1970 г.).

⁷ Районный Дом культуры.

⁸ В 1938–1957 годах это название носил город Оренбург.

⁹ Шенкель – внутренняя часть ноги всадника от ступни до колена; шлюсс – внутренняя часть ноги всадника от колена до паха.

¹⁰ Маклок – часть бедра, выступавшая над крупом лошади.

¹¹ Башлык – суконый остроконечный капюшон, надеваемый в непогоду поверх какого-либо головного убора для предохранения от холода, дождя и солнечного зноя.

¹² Большак – широкая, наезженная столбовая (почтовая или торговая) дорога, тракт.